

АВАНТЮРЫ СЕРЬЕЗНОЙ ДЕВУШКИ

ТЕМНАЯ ЛОШАДКА

ОКСАНА ОБУХОВА

Авантюры серьезной девушки

Оксана Обухова

Темная лошадка

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Обухова О.

Темная лошадка / О. Обухова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Авантюры серьезной девушки)

Влиятельный магнат Назар Туполев предлагает Софье расследовать интригующее дело: в гостинице убит компаньон его приятеля Михаила Кутепова, все близкие которого оказываются под подозрением. Остерегаясь привлечь к расследованию посторонних, но горячо желая узнать правду, Кутепов просит Софью поселиться в его доме под видом дальней родственницы. Софья погружается в таинственные и странные взаимоотношения домочадцев. Повсюду витает ощущение опасности...

© Обухова О.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Оксана Обухова

Темная лошадка

Довольно часто всяческие женские неприятности начитаются со слов мужчины: «Ты мне нужна».

Такие слова пылкий юноша твердит доверчивой романтической девушке. Подобными словами заканчивает тост предусмотрительный супруг на праздновании годовщины свадьбы. Нечто похожее скулит спившийся интеллигент, когда супруга в пятнадцатый раз собирает чемоданы и уходит к маме. То же самое сообщает шеф трудолюбивой секретарше. Радиус применения волшебной фразы волнительно широк и разнообразен, мой случай стоит где-то между вызовом личного секретаря на дом и авансом нежной дружбы. Я не романтическая девушка (к двадцати пяти годам успела разочек неудачно замуж сбегать), Туполев не относится к разряду спившихся интеллигентов и верных мужей.

По большому счету, я – девушка по вызову в критических ситуациях. «Ты мне нужна» – было сказано единожды, весомо, в деловом порядке. Что читать в подстрочнике, зависело только от моего настроения, воображения и личных амбиций.

И когда памятная фраза «Софья, ты дома? Я еду. Ты мне нужна» снова прозвучала почти год спустя, я минут на десять потеряла дар речи.

Впрочем, никакой речи Назар Савельевич от меня и не ждал. Позвонил, сообщил и дал отбой лишним сантиментам. Я же молча и бестолково кинулась приводить в порядок себя, квартиру, мысли и единственные в доме мужские тапочки, которые Диана – большая любительница просторной обуви – вчера обильно оросила соусом «Кальве».

– У моего друга неприятности, – без экивоков, привольно расположившись в кресле, сообщил Туполев. (Бархатные тапочки он презрел и сидел, покачивая одной ногой в шелковом носочке.) – И я хочу, чтобы ты приняла участие в расследовании обстоятельств, послуживших причиной убийства его бывшего компаньона.

Я всегда была внимательна к деталям и формулировкам и потому, как за спасательную соломинку ухватилась за уточнение:

– «Обстоятельств, послуживших...»? А не самого убийства?

– Нет.

– Уже немного легче, – смело улыбнулась я и выдала далее: – Назар Савельевич, а ты часом адресом не ошибся? Я не милиционер. Я – бухгалтер.

– Ты – девушка с хорошими мозгами и свежим взглядом, а это именно то, что в данной ситуации и требуется. Только взгляд и мысли, а выводы за тебя другие делать будут.

– Уточни. – Деловые предложения я привыкла выслушивать прежде, чем начинать брыкаться.

– Месяц назад, конкретно – двенадцатого апреля, в наш город приехал Якова Семенович Коваленко. Он бывший компаньон моего старинного приятеля Михаила Петровича Кутепова, – обстоятельно приступил к изложению событий Назар Савельевич. – За неделю до этого он откинулся с зоны. – «Откинулся» и «зона» царапали слух, но прекрасно попадали в такт с третьим ключевым словом «убийство». – Он сидел по экономической статье и к Кутепову приехал, когда тот предложил ему помощь. Дружескую и материальную. За несколько минут до того, как Михаил вошел в гостиничный номер, где была назначена встреча, Коваленко убили. Два выстрела в голову, оружие убийца унес с собой, но пули и гильзы с места преступления сравнили с пулями и гильзами из тира на даче Кутеповых; следствием установлено – выстрелы произведены из пистолета, зарегистрированного на имя моего приятеля.

– Пистолет так и не нашли? – быстро встала я.

– Нет. Когда следствие стало интересоваться личным оружием Кутепова, Миша сам предложил им изъять пули и гильзы с полигона. Он был уверен – пропажа его пистолета и убийство Коваленко никак не связаны.

– Как он потерял свой пистолет?

– Ствол пропал из дома. Михаил обратился в частное сыскное агентство, и, когда детективы и милиция однозначно установили, что никто из посторонних не имел доступа к оружию, он испугался. Разорвал контракт с сыскарями и вызвал из Москвы хорошего адвоката по уголовным делам.

– Твоего Кутепова обвиняют в убийстве?

– Нет. По многим объективным причинам его не могут обвинить. Дело в другом. Он пытался научиться жить с мыслью, что кто-то из его близких причастен к убийству, но не смог. Убийцу надо найти, Софья. Иначе Миша сойдет с ума.

«Убийцу надо найти». Это мы уже проходили год назад в апреле. Но тогда у меня не было выбора, я не могла отказаться. Я добровольно встала в центр мишени и едва не схлопотала пулю, предназначенную Назару Савельевичу. Чуть не поседела от ужаса, но выловила на себя сумасшедшего профессионального киллера Самоеда и в награду за спасение олигарха получила приз – восемьсот тысяч евро, – поскольку именно в такую сумму Назар Савельевич оценил свою жизнь.

И вот, уже богатая и независимая, я тринадцать месяцев ждала повторного призыва – «Ты мне нужна».

Надеялась черт знает на что. Туполев меня даже с матушкой Ириной Яковлевной близко познакомил и, как мне показалось, делал некоторые авансы. А в результате я получила:

– Убийцу надо найти, Соня.

– Назар, такие предложения ни ко мне. Я – бух-гал-тер.

– Ты вычислила Самоеда.

– Это случайность. Стечение обстоятельств.

– Нет. Это закономерность. – Туполев развел руками, и я закончила мысль:

– Требующая подтверждения. Чего конкретно ты от меня хочешь?

– Михаил – хочет разобраться в этом деле.

– Для себя? Или для того, чтобы сдать убийцу в прокуратуру?

Назар мрачно поворачивал глазами. На его лице одновременно читалось: на глазах подметки рвете, девушка, и – некоторые вопросы лучше не обсуждать.

– Понятно, – вздохнула я. – Все зависит от личности убийцы. Так? – Туполев не ответил, и я таки начала брыкаться: – Назар Савельевич, но чем я-то могу помочь? Я про убийства только по книжкам знаю, здесь профессионалы нужны.

– Профессионала работали по этому делу две недели, пока перепуганный Миша не свернул расследование. Результат – нулевой.

– Ага. А я сразу приду и всех преступников поймаю.

– Ты вот именно что – придешь. Выслушай меня. В доме Михаила постоянно находятся восемь женщин и каждая из них, с разной степенью вероятности, могла взять пистолет...

– Он что один в этом бабьем царстве крутится? – вредно воткнула я.

– Нет, – нахмурился Туполев. – Не перебивай. Тебе просят конкретно присмотреться к женщинам. Изнутри и свежим взглядом.

– А сам-то твой Михаил к ним присмотреться не может? Он их уже вдоль и поперек знает! Назар усмехнулся:

– Кутепов сын генерала и сам отставной полковник. Ему легче порядок в казарме навести, чем со своими дамами разобраться. Как бы я к Мише хорошо ни относился, но он – солдафон и ретроград. У него к женщинам своеобразное отношение.

– Утилитарное?

– Примерно.

Работать с солдафоном-домостроевцем я как-то не шибко стремилась. И потому, затягивая паузу, я предложила:

– Кофе хочешь?

– Хочу, – кивнул Туполев, и я тотчас смылась на кухню: заправлять кофеварку и шевелить мозгами на свободе, поскольку пристальный взгляд Назара Савельевича моему мыслительному процессу никогда не способствовал. Родная мама Ирина Яковлевна зовет сынулю Человек Топор. А размышлять об убийствах под лезвием топора, согласитесь, малоприятное занятие.

Расставив на столике чашки с кофе, я села в кресло напротив и, придирчиво разглядывая гостя, спросила в лоб:

– А какой твой интерес в этом деле, Назар? Только дружеское участие, или вы ведете совместный бизнес, и душевное нездоровье Михаила Петровича стало отражаться на делах?

Презрев два предложенных варианта ответа, Туполев выбрал третий вариант. Исконно свой.

– В том, что произошло с Михаилом, есть и моя доля вины. Мы знакомы с детства – наши отцы дружили. Даже, когда лет двадцать назад генерала Кутепова перевели на Дальний Восток, продолжали хоть и редко, но встречаться. – Назар отхлебнул кофе, закурил и продолжил: – Генерал ушел в отставку, занялся бизнесом, крайне удачно, надо сказать. И после его кончины Миша стал единственным наследником огромного состояния. Кофе превосходный, спасибо, – отвлекся гость.

– Спасибо кофеварке, – заметила я.

– Так вот. Миша всегда мечтал перебраться на «большую землю», мы уже начали вести переговоры, готовить почву, но тут... Это было четыре с половиной года назад, убили моего отца... Ну, ты же все знаешь...

Знаю. Четыре с половиной года назад началась пресловутая вендетта, и первым в списке из семи покойников стоял Туполев Савелий Назарович, убитый Самоедом по ошибке.

– Знаю, Назар. Ты уехал, – мягко проговорила я.

– Да. Я жил за границей, но предлагал Михаилу помощь в переезде сюда, а тот все медлил, медлил. Ждал моего возвращения. Возможно, я был не слишком настойчив... – немного смущенно пожал плечами Туполев. – Михаил к тому времени уже продал свой бизнес компаньону...

– Покойному Коваленко? – быстро уточнила я.

– Да. Ему. Но у Коваленко не хватало собственных средств, он залез в долги, наделал глупостей и, мягко выражаясь, «кинул» государство. Государство в свою очередь определило его в лагеря на четыре года. Чуть больше недели назад Коваленко освободился, и Михаил, чувствуя свою вину, пригласил его к себе...

– Подожди, – перебила я. – Почему Михаил Петрович чувствовал себя виноватым перед бывшим компаньоном?

Назар поморщился:

– Миша струсил. На суде он мог отказаться от своих показаний – Коваленко умолял его это сделать, и тогда бы адвокаты развалили дело. Но Михаил – элементарно струсил. Яков даже угрожал ему прямо в зале суда... Коваленко был местным, у него на Дальнем все схвачено... И вот еще что. Спустя год после вынесения приговора, день в день, жену Михаила сбила машина. Жену и любимую собаку. Белочку, кажется. Еще спустя год, тоже в апреле, его сын Марат скончался от передозировки.

– Бог мой, какой ужас! – вырвалось у меня. – Ты намекаешь, что Коваленко отомстил Михаилу за предательство?!

– Да черт его знает. Доказать ничего не удалось. Но совпадения, согласись, невероятные.

- А... получается, что Коваленко тоже убит в апреле?
- Тоже, – кивнул Назар. – Апрель, знаешь ли, заколдованный месяц для семейства Кутеповых.
- Странно. Как все странно.
- Незаметно для себя я оказалась всеми лапами в центре дико интригующей паутины.
- Это не странно, Софья, это страшно. Если бы четыре года назад я выполнил обещание и помог Михаилу перебраться на Большую землю, его жена и сын были бы живы. Я виноват перед ним, Софья. И сейчас, когда он снова просит у меня помощи, я не могу ему отказать.
- Назар, сын Кутепова был наркоманом? – негромко спросила я.
- Да.
- Тогда в его смерти нет твоей вины.
- Марат умер на следующий день после выхода из наркологической лечебницы. Его погубило окружение. Ближний круг. Происходи все это в моем городе, от парня отсекали бы каждого, кто дурью торгует. Я бы Марата уберег.
- «Это еще бабушка надвое сказала», – собралась возразить я, но промолчала и спросила:
- В чем конкретно ты видишь мою помощь?
- Вчера я разговаривал с Михаилом. Он полностью растерян, и на мое предложение – пригласить в их дом тебя – ответил согласием.
- «Кто же откажет Человеку Топору», – мысленно сострила я.
- А то, что я женщина, не сильно смущает господина ретрограда?
- Сильно, – неожиданно согласился Назар. – Но я сказал ему, что это ты вычислила Самоеда.
- Случайно, – вставила я.
- Закономерно, – напомнил хитрый воротила. – Привести тебя в дом под видом горничной или кухарки – пустая затея. Дамы у Михаила Петровича с гонором, с прислугой не общаются, так что Миша предложил иной вариант: ты его троюродная племянница из Саратова. Точнее, из Вероны.
- Откуда?!
- Из Вероны. Дочь покойной двоюродной сестры Михаила вышла замуж за итальянца и лет шесть живет за границей. Вы ровесницы и немного похожи, последний раз эта племянница приезжала к Кутеповым в пятилетнем возрасте, и подмены никто не заметит. У вас даже имя одинаковое – Софья. Устраивает?
- Как-то не очень, – призналась я. – Запутанное дельце... Можно я сначала с детективами, операми или прокуратурой поговорю? С теми, что месяц назад вели дело.
- Можно. Но лучше это сделать после знакомства с семейством. Оглядишься на месте, получи представление и беседуй на здоровье. С детективами. Опера и прокуроры не слишком разговорчивы с любителями.
- Назар, ты говоришь так, словно я уже дала согласие.
- А разве нет?
- Нет. Сколько времени ты даешь мне на раздумье?
- До завтра. Я приеду за ответом завтра.
- Проводив Назара Савельевича, я немного погуляла по квартире, проветрила извилины на балконе и поняла: мне нужен совет. Дельный и толковый, отстраненный.
- К маме мудро решила не ездить (у нее стойкая идиосинкразия на слово «убийство»), я отправилась к Диане.

Диана, как и миллионы в рублевом эквиваленте, досталась мне в подарок от семейства Туполевых. (Точнее, от вдовы туполевского брата Кирилла – Беллы.) Диана слыла продвинутой

журналисткой и печаталась под смешным псевдонимом Дуся Колбасова почти во всех губернских газетах. Двадцать лет Дуся положила на создание имени, теперь имя работало на нее.

– Я не девочка, чтоб с диктофоном по кабинетам шнырять, – говорила журналистка. – Авторитет достался потом и кровью, теперь имею право расслабиться. – В каждом хоть чуточку серьезном учреждении у Дуси был осведомитель, она никогда не сдавала свои источники, и порой мне казалось, что мадам Колбасова могла свободно делать прогноз политических метеословий нашего города на ближайший год.

Любая история, поведенная Диане подругой, покоилась в ста двадцатикилограммовом теле журналистки, как в могиле. Дуся жила информацией, а не сплетнями, и рассказать ей можно – все.

– Один раз предашь, считай, наработанный потом и кровью авторитет спустила в унитаз, – говорила журналистка и угощала водкой или чаем очередную неприкаянную душу.

В чужие дома Диана почти не приходила. Обустроила на кухне «уголок откровений» и прием вела в непосредственной близости от холодильника и чайника. Иногда Дуся казалась мне толстой доброй паучихой, запустившей сосисочные пальчики в мягкое нутро интриги.

При встречах со мной, о Назарее она отзывалась так: «Этот твой карликовый олигарх...»

Я обижалась на все сразу. И на «этот», и на «твой», и на «карликовый». По поводу «олигарха» апеллировала к толковому словарю и требовала вслух зачитать расшифровку.

– На политику губернии Назар влияет?! Влияет. Деньги на выборы дает? Дает. Статьи в твоих газетах проплачивает? Проплачивает. Так кто он после этого? Не олигарх, скажешь? – Если б не дополнение «карликовый», я бы, честно говоря, плевать хотела, кто по сути Туполев. Магнат ли, олигарх, мне-то какая разница? Я сама его звала и так и эдак.

Но мою дружбу Диана ценила. И, надеюсь, не только из-за близости Софьи Николаевны к окружению городского хозяина.

...В тот понедельник, добежав до дома подруги, я ворвалась на ее кухню, в темпе изложила последние события и, пригорюнившись, закончила:

– Как я все это понимаю, господин Кутепов не хочет форсировать следствие, не хочет теревить детективов, но желает чтобы совесть была спокойна. Я, так сказать, – компромиссный вариант. Если что и накопаю, то оставлю все в его огороде. Ферштейн? А Туполев так вообще меня использует...

– Здесь я согласна, – кивнула Дуся. – Но проблема-то в чем? Не хочешь снова таскать для него каштаны из огня?

– Не особенно.

– Тогда плюнь.

– Неловко.

– Интеллигентский комплекс девочку мучает, – усмехнулась Колбасова. – Свалившееся богатство надо отрабатывать... – Прищурившись на мою кислую персону, подруга посерьезнела: – Выпей водки и выдохни. На мой взгляд, все нормально и логично. Туполев обязан людей грамотно использовать. Верно подбирать исполнителей и заставлять их работать. Или... ты полагаешь, что у вас исключительные отношения? – Я покраснела и опустила голову. – И не надейся, детка. У Назара не бывает исключений. Он прогматик, а не лирик. Кстати, давно хотела с тобой поговорить на эту тему, да все руки не доходили... – Толстые руки Дианы сложили внушительный бутерброд – белый хлеб, майонез, ветчина, снова майонез, сыр и пучок зелени. – Как думаешь, почему Туполев подарил тебе лимон баксов?

– Восемьсот евро, – скромно поправила я.

– Без разницы, – чавкнула Дуся и задумчиво пробасила: – Не думала, что все так запущено... Давай-ка выпьем, подружка.

Мы приняли на грудь, закусили кто чем – я долькой огурца и сардиной, Диана половиной бутерброда – и минут несколько благотворно пропитывались градусами.

– Так вот, подруга. Этот лимон Назар не тебе подарил, а отнял его у Белки. Сечешь? Деньги Кирилла он не стал бы брать себе.

– Почему? – Я вскинула голову.

– Не комильфо. Но Белку наказать стоило. А тут и ты подвернулась очень кстати.

– А его мама? Деньги Кирилла могла взять Ирина Яковлевна!

– А отдать деньги маме – все равно что отдать себе, – отчеканила Диана. – Туполев единственный наследник. Так что еще не известно, кто кому больше должен. Ты вполне героически заслужила мильён и избавила его от головной боли. Никто в городе не пикнул: «Назар бывшую родственницу ограбил!», а Белка наказана. – Дуся любовно посмотрела на бутерброд и буркнула: – Каков паршивец, а? Блеск, а не паршивец!

И принялась закусывать.

Я же тупо смотрела на пустые стопки и привыкала к новому положению вещей. Колбасова редко ошибалась в прогнозах и анализе. Она наблюдала за мной повеселевшим взглядом и наконец произнесла:

– Очнись, дуреха. Я для чего тебе все это говорю? Для того, чтобы ты прекратила чувствовать себя обязанной. Назар классически разрулил ситуацию. Развел.

Какое емкое современное слово-понятие – «развел», почему-то отстраненно подумалось мне. Как две половинки моста – вроде все разрушил, а вроде и нет – временное состояние...

– Кстати, – донеслось из Дусино угла. – Ты об Ульяне слышала?

Я оторвала от стопок потяжелевший взгляд и метнула его в Колбасову. Ульяна – табу, запретная тема. Я в курсе, что у Туполева есть, как бы сказать, «карманная девушка», но никогда и ни с кем ее не обсуждала. Попробовала как-то спросить самого Назара, но тот ответил кратко – мы с Ульяной друзья и никаких обязательств – и показал взглядом, что распространяться далее не намерен.

– Знаю, – задрав подбородок, парировала я. – Он нормальный мужик. Ему что – по проституткам бегать?

– Нормальный, – легко согласилась Дуся. – И всех – имеет.

Диана хорошо знакома с семейством Туполевых через ту же Беллу. Но я впервые слышала от нее нечто негативное о Назаре если не в словах, то хотя бы в интонации. Видимо, Колбасова всерьез прониклась моими «комплексами» и изо всех сил лечила их оплеухами.

– Подводишь меня к идее послать Туполева к черту? Не старайся так, Дуся. Я не за психоанализом пришла, а за советом. Скажи лучше, ты сама согласилась бы поселиться в чужом доме, совать нос в чужие дела?...

Дуся отложила второй недоеденный бутерброд, подумала полторы секунды и честно ответила:

– Я бы согласилась. Но это я. У нас с тобой разные весовые категории, ты в коленках слабее...

– Ты меня дразнишь или снова обидеть хочешь?

– Прости. Я плохо выразилась. Сонечка, я дышу интригой, это моя стихия. Меня и звать не надо, я сама напрашусь.

– Значит – соглашаться.

– Стремись чего-то доказать? – слабо усмехнулась Дина. – Тоже мне Дон Кихот выискался. Подумай еще немного...

«Дон Кихот» после «слабых коленок» добил меня окончательно – ну что за мерзкий характер, вечно из меня все наперекор лезет! – и, решительно тяпнув из наполненной Дусей рюмки, подвела итог:

– «Безумству храбрых» – это про меня.

Несколько лет назад в нашем тихом городе построили первую огромную высотку – двадцать семь этажей из красного кирпича плюс пентхаус, напоминающий снизу плоскую коробку из-под торта «Птичье молоко». С земли пентхаус кажется насквозь стеклянным домиком для игрушек. Эфемерным, несерьезным, лилипутским.

На самом деле современные Карлсоны обустроили свою крышу с пятизвездочным шиком. Отвечаю за каждую звезду, поскольку имею право судить, – меня десатировали непосредственно на крышу. С полным набором «итальянских» чемоданов, вызубренной легендой и толстой тетрадкой в клеточку, в которую я, как всякий путный детектив, собиралась поименно заносить фигурантов, их привычки, несуразности и подозрительные странности. Позже этой тетрадке предполагалось украситься хитроумными схемами, стрелочками и вопросительными знаками. Но в первый день я лишь начертила план жилища. (Дабы детектив не запутался в дверях и коридорах. Не перепутал спальни и не бегал вместо туалета в кладовую.)

Так что следствие я начала с дома.

Пентхаус и весь последний этаж целиком Кутепов выкупил еще три года назад. На крыше он поселился с женой, дочерью, крохотным сыном и его няней. «Подвал», то есть две объединенные трехкомнатные квартиры на двадцать седьмом этаже, отдал родственникам по линии первой жены Елены – семье Стрельцовых. После всех «апрельских» несчастий Михаил Петрович решительно превратил свой дом в неприступную крепость. У жильцов пентхауса имелся отдельный лифт, черная лестница оканчивалась железной дверью на двадцать седьмом этаже, заселенном исключительно доверенными людьми. Еще одну, купленную в расчете на замужество Ренаты двухкомнатную квартиру сдавали знакомым второй жены Михаила Петровича – Хорским.

Побежав по закоулкам «подвала» и крыши и начертив план, я, буквально сразу пришла к мысли: стащить отсюда что-либо, включая пистолет, практически невозможно. Если, конечно, ты не свой.

Придя к такому выводу, я засела за клетчатую тетрадку и принялась скрупулезно вносить в нее данные.

Итак, хозяин крыши – Михаил Петрович Кутепов. Крупный лысоватый мужчина лет пятидесяти, настоящий полковник. Ретроград. Как подозреваемый – абсолютно бесперспективен.

Его новая жена – Бьянка. Тридцати шести лет (сказать по правде, на вид – все тридцать семь!), жгучая брюнетка, отставная танцовщица фламенко. Средний рост, весьма крепкое телосложение и гладкая прическа из блестящих смоляных волос. Лицо довольно грубой лепки, но положение спасают огромные черные глаза в пушистых ресницах и алая помада.

Рената – дочь Кутепова от первого брака. Темпераментная девица вороной масти с поразительно светлой матовой кожей и голубыми глазами. Красивая. Рост примерно мой – метр семьдесят пять, надменна и вспыльчива.

Рената, как объяснил мне во вторник Туполев, самый богатый человек в семье Кутеповых. За полгода до гибели Елены Михаил Петрович, дабы доказать ей нерушимость брачных уз (он тогда сильно подозревался в пашнях с Бьянкой), перевел на ее имя большую часть своих активов. Елена ведь никак не собиралась умирать в сорок лет и составила завещание в пользу сына и дочери, причем оба они наследовали друг другу. Таким образом, после смерти мамы и брата Рената стала богаче своего отца раза в полтора. А то и больше.

После женитьбы на Бьянке у Михаила Петровича родился еще один ребенок – сын Миша, но о нем я в своей тетрадке ничего не написала, так как подозрений он у меня не вызывал.

Няня Миши-маленького – Светлана. Розовощекая деревенская деваха двадцати двух лет, которую Бьянка присмотрела еще будучи беременной: Светлана приходила в пентхаус с бригадой маляров и очень понравилась будущей мамаше разговорами о детках, – ах, какие карапузики! – и своим многочисленным семействе: я братишек и сестреночку кучу вырастила! При-

гласив маляра в качестве няни, отставная танцовщица ничуть не прогадала. Няня из Светланы – просто блеск.

Спускаемся ниже. «Подвал» пентхауса. Семья Стрельцовых.

Глава семейства – Георгий Павлович. Полноватый в залысинах субъект с глазами перепуганной лани. Кто напугал? Пожалуй, жизнь в примаках и супружеские обязанности с женщиной, превращающей все в куски льда единым взглядом.

Непосредственно «снегурочка» – Наталья Александровна Стрельцова. Таша. Несгибаемая дама с тростью в руках, домоправительница-экономка семейства Кутеповых. Именно ей, посылая меня на дело, Туполев посвятил небольшой вводный доклад.

Таша была актрисой и родной сестрой Елены Кутеповой. Одиннадцать лет назад ее театр закрылся на реконструкцию, и труппу отправили в длительный отпуск. Наталья Александровна нанялась в офис генерала Кутепова секретарем.

На офис произошло нападение. Бандитам под горячую руку попала секретарша – родственница владельцев фирмы, и от Таши потребовали назвать шифр замка сейфа. (У налетчиков имелся в офисе наводчик, сообщивший, что Стрельцова шибко осведомленное лицо.) Ташу били, прострелили ей колено, но код замка она не сказала даже под пытками. Бандиты ушли несолоно хлебавши.

Что такое хромота для актрисы, поймет каждый – профнепригодность. Была бы Таша Комиссаржевской или женским воплощением Зиновия Гердта, карьера состоялась бы и при хромоте, но Наталья Александровна не солировала на сцене, а обходилась вторым составом.

Пораженный героическим поведением родственницы генерал пригласил Стрельцову в экономки и объявил самым преданным человеком на веки вечные. Кутепов-младший с этим согласился и, переехав на Большую землю, взял Наталью Александровну с собой.

Сын Натальи Александровны и Георгия Павловича – Митя. Шустрый молодой человек с хорошим аппетитом, приличными способностями и задатками настоящего бизнесмена. Страшно обаятелен, сверкающе остроумен, почему-то не бабник. Дамы на таком Мите должны гроздьями висеть.

Еще один член семьи Стрельцовых – няня Нюся. Милейшее создание. Любит поболтать под чай с плюшками. Сама из себя маленькая, круглая и уютная как любимая диванная подушка. Воспитала еще Георгия Стрельцова, позже приложила руку к воспитанию Дмитрия, сейчас, пока Таша правит крышей, она руководит «подвалом».

Приходящая прислуга дома Кутеповых: повар Сидор Поликарпович (заслуженный кулинарный гений) и горничная Таисия (лет пятидесяти, скромная, непритязательная, неболтливая). Их, как возможных подозреваемых, я практически не рассматривала – мотива нет, типаж не тот.

Далее следует упомянуть чету Хорских – Валерию и Алексея. Друзья Бьянки, танцоры, я их видела издали всего один раз и могу сказать – пара необычайно красива. Двухкомнатную квартиру в «подвале» они сняли на полгода благодаря протекции Бьянки. Кутепов им не доверяет и, кажется, ревнует жену к их обществу.

Заселив два этажа фигурантами – имеется в виду живописная схема в клетчатой тетрадке, – я попробовала добиться расположения «родственников» и потерпела сокрушительное фиаско. Даже усилия «дяди Миши» Кутепова ни к чему не привели. «Итальянская» племянница на фиг не была нужна современным Карлсонам.

Лебезить я не стала, заняла позицию стороннего наблюдателя и начала рыть землю по порядку.

И если уж рыть по порядку, то стартовать следует от места преступления и знакомства с детективом Андрюшей.

На следующий день после того, как я обосновалась в свободной гостевой спальне пентхауса, ко мне в комнату зашел «дядя Миша» и, обведя помещение, спросил, остановив взгляд на разобранном чемодане:

– Ну, как устроилась?

– Спасибо, хорошо.

– Помощь нужна?

Я пожала плечами:

– Пока расправляюсь только с ручной кладью.

– Вот возьми визитку, – Кутепов протянул картонный прямоугольник, – здесь телефон детектива, занимавшегося расследованием убийства Яши. Его зовут Константин Федорович, он предупрежден о твоём звонке.

Никакой Константин Федорович встречаться со мной не захотел. К назначенному месту вместо себя он отправил помощника. Невысокого, худощавого и очень серьезного паренька.

– Андрей Витальевич, – представился он, – можно просто Андрей.

Парнишка был так молод, что я невольно прозвала его Андрюшей.

Встречались мы в холле гостиницы, где произошло убийство Якова Семеновича Коваленко. Я чувствовала себя неуютно, Андрюша выглядел тоже неуверенно, в своей стихии пребывал только администратор, сопровождавший нас до нужных апартаментов. Он оставил нам ключи на пластмассовой бомбочке с вензелем из трех цифр, с едва заметной усмешкой пожелал успехов и быстро потопал по длинному, укрытому ковровой дорожкой коридору.

– Константин Федорович сегодня очень занят, – оправдал коллегу Андрюша, – но я работал вместе с ним, так что смогу ответить на все ваши вопросы.

Мир мужчин-профессионалов категорически отвергал женщин-сыскарей.

Интересно, в каком качестве им была рекомендована Софья Николаевна? – подумала я, но спрашивать не стала, поскольку сама не любила пустой болтовни, и сразу приступила к делу:

– Расскажите, пожалуйста, обо всем, что здесь произошло.

Андрюша достал блокнот и, сверяясь с записями, начал:

– Коваленко поселился в этом номере одиннадцатого апреля.

Мы бродили по просторному двухкомнатному номеру люкс, состоявшему из спальни и гостиной-кабинета. Спальня меня интересовала мало, а вот комната с письменным столом и комплектом мягкой мебели, расставленной вокруг низкого овального столика, требовала самого внимательного отношения. Как обмолвился раньше Туполев, тело Якова Семеновича было обнаружено именно здесь – в кресле за письменным столом.

– Труп приятеля обнаружил Михаил Петрович Кутепов, явившийся сюда ровно в 18:00 по предварительной договоренности.

– Он не опоздал? – я ходила по комнате, шевелила гардины и чувствовала себя ищейкой, принюхивающей к старым следам.

– Нет. Он пришел минута в минуту. Медэксперт сказал, что убийство произошло примерно в это время, по словам самого Кутепова, когда он вошел в номер, кровь продолжала вытекала из ран на голове. Вероятно, Коваленко был еще жив.

– Он успел что-то сказать? – быстро спросила я.

– Нет. Точнее, вряд ли. Оба выстрела произведены в голову, лицевые нервы сильно повреждены, так что при всем желании Яков Семенович не сумел бы произнести ничего членораздельного.

– Убийцу кто-нибудь видел? Точнее, кто-нибудь заметил какое-либо подозрительное лицо?

– Нет.

– В гостинице ведется видеонаблюдение?

– Только в холле на первом этаже.

– Запись видеонаблюдения что-нибудь показала?

– Нет. В тот день, в шесть часов вечера, в гостиницу заселялась группа иностранных туристов, и выезжали две группы соотечественников. Там такой бедлам был... – Андрюша махнул рукой. – Все ходили туда-обратно, вносили-выносили вещи... Человек шестьдесят бродили по холлу... бесполезные усилия. А туристы разъехались.

– Но ведь на каждом этаже напротив лифта сидит горничная! Как она могла проглядеть визитера?

– Пойдемте, я вам кое-что покажу, – вяло сказал Андрюша, вывел меня из номера и повернул в сторону, противоположную лифту. Буквально через две двери, коридор заканчивался выходом на пожарную лестницу. – Убийца мог пройти здесь, и хотя горничная утверждает, что никуда не отлучалась со своего места, убийцу она могла просто не заметить. Выход на пожарную лестницу почти не просматривается от ее столика.

– Двери на лестницу всегда открыты? – разглядывая широкие пролеты, спросила я.

– Конечно. Это предусмотрено планом эвакуации людей на случай пожара.

Мы вернулись в номер, я приказала себе быть показательно храброй и невозмутимой, приблизилась к столу и села в кресло, на котором почти месяц назад был обнаружен труп мужчины.

Села, внутренне содрогнувшись и поймала в глазах собеседника смешинку.

– Андрей, покажите, пожалуйста, на мне, откуда и как были произведены выстрелы.

Детектив взял с дивана довольно пухлую подушку-думочку – к углу дивана я оказалась почти спиной, – прошел сзади вдоль штор и, приложив подушку пониже скулы, два раза сказал «бах!».

– Вот так или примерно все произошло.

– Я слышала, что наволочка лопнула и засыпала пухом весь номер?

– Да. И благодаря этому с Михаила Петровича сняты все подозрения: пух успел осесть на пол. А когда Кутепов закричал, дежурная по этажу вбежала в номер буквально через пару секунд. Она видела, как гость прошел от лифта до двери, за это время он не успел бы ни избавиться от пистолета, ни, тем более, очистить костюм от перьев.

– Интересно, – пробормотала я, – а почему она не слышала выстрелов?

– Ну, во-первых, рядом с ней на столе всегда тихонько играет радио, а во-вторых, проводился следственный эксперимент – заглушенные подушкой выстрелы можно услышать от ее стола только внимательно прислушиваясь. Коридор-то длинный, звукоизоляция в гостинице хорошая...

– Но появление на этаже Кутепова она точно заметила?

– Конечно. Ее столик стоит напротив дверей лифта.

– А весь коридор до пожарной лестницы она видит плохо...

– Да, – кивнул Андрей и добавил: – Кстати, по словам оперативника из бригады, на столике дежурной лежала раскрытая книга. Она, Софья, в этот момент детектив читала.

Россия продолжает держать лидерство среди самых читающих стран мира? Большинство дамочек-вахтеров на работе не носки вяжут, а книжки в мягких обложках на коленях держат?

– Андрей, вы знаете, кому Михаил Петрович говорил о предстоящем свидании с Коваленко?

– Только своим домашним, – четко ответил парень. – Его племянник Дмитрий Стрельцов заказывал этот номер и встречал Коваленко в Москве в аэропорту.

– Коваленко и Дима были так хорошо знакомы? – тут же заинтересовалась я.

– Конечно. Все семейство хорошо знало Якова Семеновича и было осведомлено о его приезде.

– И все? Больше никаких знакомых Коваленко в нашем городе разыскать не удалось?

– Нет.

– Значит, все-таки свои, – тихо пробормотала я и спросила громче: – Когда пропал пистолет Михаила Петровича?

Андрей картинно почесал в затылке, оглядел номер и, не ответив на вопрос, внес предложение:

– Может, спустимся вниз и поговорим в баре? Смотреть здесь больше нечего, а меня просили быстрее вернуть ключи...

С невыразимым облегчением я вылезла из кресла мертвеца, подхватила сумочку, и мы вышли в коридор.

...В холле гостиницы было многолюдно. На диванах и в креслах сидели постояльцы, везде стояли сумки и чемоданы, бегали дети.

Андрей уверенно обогнул толпу и провел меня в неожиданно пустой бар. Мы попросили кофе и, пока не получили заказ, сидели молча. В баре тихо играла музыка, две скушающие девицы потягивали коктейли у стойки, бармен усердно полировал фужеры.

– Я могу узнать, чьи интересы вы представляете, Софья? – сделав первый глоток кофе, сказал Андрей.

– Я представляю исключительно Михаила Петровича, – ответила я и достала из сумочки сигареты. Андрюша поднес мне горящую зажигалку, и я поблагодарила его кивком головы. – Разве Кутепов вас не предупредил?

– Предупредил, – Андрей мрачно посмотрел на меня. – Но все же странно. Вы задаете мне вопросы, которые могли бы задать и Михаилу Петровичу. Почему?

– Ему больно вспоминать. – Не отводя взгляда, глядя в глаза, ответила я. – Он ежится от любого вопроса. Есть вещи, которые лучше лишний раз не ворошить, тем более, если это касается твоих близких. Вы согласны?

– В принципе... да. Но все же как-то странно. Вы частное лицо?

– Можно сказать и так, но, скорее, я лицо доверенное. Так что там с пистолетом?

Андрей откинулся на спинку стула, побарабанил пальцами по столу и высказался:

– Как доверенному лицу, могу сообщить: за день до приезда Коваленко, то есть одиннадцатого апреля, Кутепов проверял свой пистолет. Предполагаю, что приезд опального компаньона его тревожил, вероятно, с этим и связана проверка оружия. Но после телефонного разговора, состоявшегося между бывшими партнерами поздним вечером одиннадцатого апреля, толи беспокойство улеглось, толи Михаил Петрович попросту не решился взять на встречу пистолет. Иногда люди неожиданно сердятся, теряют голову, и оружие начинает стрелять. Я ясно излагаю? – задавая последний вопрос Андрюша рассматривал потолок над стойкой бара.

– Вполне. И прошу вас, Андрей, спрячьте недовольство. Я не отнимаю у вас кусок хлеба, давайте поговорим нормально. Я ничем вас не обижаю. – Андрюша вздохнул и перевел взгляд на мое лицо. – Напомните мне, пожалуйста, о чем шел последний разговор между Кутеповым и Коваленко?

– Коваленко был весел и обещал удивить Михаила Петровича некими сведениями, – уже не так сухо сказал Андрей. – Но какими именно, даже не намекнул.

– А Михаил Петрович не догадывается, о чем могла идти речь?

– Он уверяет, что нет.

– А вы? Как думаете вы?

Андрей положил локти на стол и какое-то время пристально изучал мою физиономию. Кажется, она ему не нравилась.

– Софья, как много вам известно о семье Кутеповых? – спросил наконец.

Мы были близко, чувствовали дыхание друг друга, и я ответила честно:

– Не многим больше, чем вам, когда вы только начинали расследование. Но у меня есть серьезный источник.

– Но не Михаил Петрович? – поднял брови Андрей.

– Но не Михаил Петрович.

Сыщик снова откинулся на стул, пошевелил губами и с полным недоумением выпалил:

– Тогда мне вообще непонятна ваша роль!

– Давайте не будем углубляться в мою роль, – мягко попросила я. – Достаточно того, что Михаил Петрович лично попросил вас быть со мной откровенным. Или я ошибаюсь?

– Отнюдь. Именно так он и выразился. Но у меня упорно складывается впечатление, что вы представляете третье лицо. Коваленко еще кому-то перешел дорогу?

– Вы очень любопытны, Андрюша, и очень догадливы, – усмехнувшись, вильнула я. – На самом деле я действительно представляю Михаила Петровича, но направило меня, как вы правильно догадались, третье лицо.

– Кто?

– Если б я могла, я б вам сказала.

– Интересно! – фыркнул детектив, достал из кармана пачку сигарет, выудил оттуда одну штуку и долго мял ее в пальцах.

– Вас что-то смущает? – поторопила я.

– Я думаю, с чего начать, – произнес детектив и, так и не прикурив, медленно подбирая слова, повел вступление: – Две недели из трех, выделенных на расследование, мы провели на Дальнем Востоке. Я имею в виду себя и Константина Федоровича. В нашем городе Кутеповы живут около двух лет, Коваленко вообще провел меньше суток, так что корни всего следовало искать на другом конце страны. – Андрей чиркнул зажигалкой, долго смотрел на пламя и еще дольше раскуривал сухую сигарету. – Мы собирали слухи. Михаил Петрович дал нам координаты людей, имеющих информацию о делах Коваленко...

– Подождите! – перебила я. – Какие дела? Яков Семенович освобожден из мест лишения свободы за неделю до приезда сюда!

– Через полгода после объявления приговора Коваленко перешел на поселение и раз в год по маршрутному листу приезжал в родной город, – скупно бросил Андрей.

– По какому листу? – переспросила я.

Брови Андрюши взлетели вверх:

– Софья, дорогая, вы знакомы с системой ГУИН?

– Нет, а что такое ГУИН?

– Н-да, – пробормотал Андрей. – Главное Управление Исполнения Наказания – так расшифровывается аббревиатура. У вас, вообще, какое образование?

– Экономическое, – кисло информировала я и почувствовала себя эскимосом в гостях у профессора палеонтологии. Вроде как – меня исследовали, и хорошо, что только взглядом.

Исследование продолжалось секунд двадцать.

– Тогда понятно, – неожиданно обрадовался Андрюша. – Разъясняю специально для доверенных лиц. Коваленко остаток срока провел на поселении. Это... как бы экономисту объяснить подходчивей, – детектив, кажется, слегка надо мной издевался, – почти свобода, но под надзором. Раз в год отбывающий срок наказания гражданин имеет право на поездку домой или куда-то там еще. Главное – по прибытии на место зарегистрировать факт прибытия...

Я испугалась, что сейчас Андрюша, искореняя правовую безграмотность, прочтет экономисту целую лекцию о системе ГУИН, и перебила:

– Все ясно. Спасибо. Вы выяснили, чем Коваленко занимался в дни отпусков?

– Встречи с друзьями, рестораны, женщины... Ничего сверхъестественного. Мы задержались на Дальнем по другой причине. – Андрюша многозначительно посмотрел на меня.

– Ну-ну! – поторопила я заскромничавшего сыщика.

Андрей перешел на доверительный тон, склонился над столом и объяснил:

– Есть вещи, которые мы не включали в официальный отчет. Конкретно – слухи.

– А почему не включали? – немного удивилась я.

– А потому, что они не всегда достоверны, и относительно этих слухов Михаил Петрович осведомлен не хуже нас. Это подтвердилось в частной беседе, и в отчете об этом ни слова.

– Поделитесь, пожалуйста, – тоже подаваясь вперед, попросила я и от нетерпения и любопытства легла грудью на стол.

Андрюша слегка отпрянул, усмехнулся столь усердному вниманию и произнес:

– В городе Кутепова и Коваленко считали ходоками по женской линии. И слухов, а точнее непроверенной информации, набралось достаточно. С чего начать?

– Если можно по порядку, – проблеяла я.

– Тогда отталкиваемся от фактора времени, – вздохнул детектив. Он уже простил экономисту правовую безграмотность, подозревал, что бухгалтера не просто так кинули на расследование, и старался оставаться дружелюбным. – Одиннадцать лет назад, когда Кутепов и Коваленко были компаньонами, на их головной офис произошло вооруженное нападение.

– Я в курсе, – с гордостью вставила я.

– Отлично. Тогда ты знаешь, что нападающие тяжело ранили сестру покойной жены Кутепова...

– Знаю, знаю, она была актрисой и так далее.

– В точку. Но тебе известно, – незаметно мы переходили на «ты», – что в то время, когда бандиты пытали секретаршу, Коваленко прятался в подвале? Он все слышал, все понимал, но не вышел ей на помощь...

– Опаньки, – тихо произнесла я и откинулась назад. – Ну и гад.

– Не совсем согласен, но ситуация неприятная, – кивнул Андрей. – Сам успел спрятаться, а женщину оставил на растерзание бандитам.

– Это слухи? – уточнила я.

– Нет. Это милицмейские протоколы. Коваленко сам вызывал наряд милиции в офис. В принципе все, даже Наталья Александровна, понимали – помочь он ей ничем не мог, но... – Андрей развел руками, – ситуация, как я уже говорил, скверная.

– И Таша... Наталья Александровна могла затаить обиду? Ты поэтому мне все рассказал?

– Я думаю, это любопытное дополнение к общей картине, – уклончиво ответил детектив.

– Что вы еще узнали?

– Со второй женой Бьянкой Кутепова познакомил все тот же Яков Семенович. Бьянка танцевала фламенко в одном из фешенебельных московских клубов, Коваленко и Кутепов часто приезжали в столицу по делам, но первым с танцовщицей познакомился Яков Семенович.

– У них была связь? – быстро вставила я.

– Ни подтвердить, ни опровергнуть этот факт не удалось, – казенным тоном отрапортовал Андрей. – Михаил Петрович уверяет, что друг и жена были просто приятелями.

– Когда произошло знакомство?

– Чуть менее пяти лет назад, – скупно ответил Андрей.

– Понятно, – протянула я. – Примерно в это время Михаил Петрович решил перебраться на Большую землю поближе к Москве. Они сразу стали любовниками?

Андрей не ответил. Он подозвал официанта и бросил в мою сторону:

– Что-нибудь выпьешь?

– Да, – в глубокой задумчивости ответила я, – сухой мартини.

Сыщик сделал заказ, и, пока официант менял пепельницу и приносил напитки, мы снова молчали.

– Когда я слышу об убийстве состоятельного человека, – отряхивая оливку от капелек, рассуждала я, – прежде всего на ум приходит мотив – деньги. Коваленко оставался богатым человеком?

– Все относительно. Но, вероятно, да.

Я положила оливку в рот.

– И тем не менее появляется другая версия – мотивом послужило что-то личное. Я права?

– Пожалуй, да, – грея в ладонях фужер с коньяком, согласился Андрей. – Деньги в эту схему как-то не вписываются. Мы проверили наследников Коваленко, все сплошь тихие, невзрачные люди, их потолок – кусочек пирога, а не весь пирог.

– Он был женат?

– Очень давно и очень недолго, в браке не было детей. Жена сейчас живет в Австралии, достаточно обеспечена и никаких претензий к погибшему не имеет.

– Конкуренты? Какие-то старые долги?

– Нет, нет и еще раз нет. Пытаясь уйти от суда, Коваленко расплатился со всеми кредиторами, но это его не спасло, так как обидел он Государство. Никаких таких следов финансовой вендетты мы не обнаружили.

– Михаил Петрович в этом списке?

– А зачем тогда ты здесь сидишь? – резонно заметил Андрей. Он поднял пузатый бокал на уровень глаз и посмотрел на меня через стекло: – Несколько раз на поселение к Коваленко приезжали женщины. Мы установили всех, кроме двух. Одна дама навещала Коваленко примерно два с половиной года назад в середине зимы, вторая приехала буквально через месяц. Возможно, и в первом, и во втором случае приезжала одна и та же женщина. Время приблизительно совпадает с переездом семьи Кутеповых на Большую землю.

– Приезжала молодая женщина? – оживилась я.

– Не установлено.

– Но ведь на зону... – начала я, и Андрей сразу перебил:

– Не на зону, а на поселение. Там работают бесконвойные, визитеров не регистрируют и не опрашивают. Представь себе такой приличных размеров заводик в чистом поле, к воротам подъезжает машина, из приоткрывшегося на секунду окна высовывается женская рука в перчатке и купюрой подзывает вахтера – старого подслеповатого деда. «А пригласите-ка мне, пожалуйста, господина Коваленко, уважаемый». Уважаемый рысью на территорию, приводит Коваленко, тот усаживается в машину, и она отъезжает на двести метров. Все. Потом Коваленко подвозят обратно, машина уезжает.

– Может быть, любовница приезжала? – неуверенно предположила я.

– Может быть. Но оба раза свидания происходили днем, и Коваленко возвращался через полчаса. А надо сказать, что отбывал Яков Семенович в ста пятидесяти километрах от родного города. Путь не такой уж близкий, ради получасового свидания трястись по ухабам три часа туда обратно, так? Вряд ли это была любовница. Скорее – деловое свидание.

– Для кратких деловых разговоров существуют телефоны, – не согласилась я. – Тут что-то личное было.

– Соображаешь, – уважительно буркнул Андрей. – Мы думали так же. Жаль только, получить описание женщины не удалось. Вахтер сказал, по голосу вроде молодая дамочка была. И рука в перчатке тонкая. Но что такое для деревенского старика тонкая рука, понятие растяжимое.

– Номер или хотя бы марку машины он не запомнил?

– Нет. Говорит, иностранная, вроде черная, но грязная.

– Это могла быть Бьянка?

– Вполне, – кивнул Андрей. – Мы разговаривали с ней и с Михаилом Петровичем, примерно в это самое время она летала к новоиспеченному мужу на Дальний. Но во-первых, она категорически отрицает факт свидания, а во-вторых – посетительницей приехавшей месяц спустя, она никак быть не могла. В то время она была уже здесь и занималась обустройством пентхауса. – И добавил: – Скорее всего, мы попросту не сумели разыскать незнакомку. Но круг знакомых женщин Коваленко мы очертили довольно четко. У Якова Семеновича была посто-

янная любовница, она уверяет, что Коваленко бросили все, кроме нее. Первое время, пока тот был на зоне и свидания регистрировались, к нему действительно приезжала только она. – Андрей прикурил очередную сигарету, помог прикурить мне, и все в дыму и недоумении, мы продолжили разговор:

– А ты не предполагаешь... – задумчиво вступила я, – что информация, которую Коваленко собирался преподнести Кутепову, могла касаться этих визитов?

– Я вправе это предположить, – осторожно подтвердил Андрей. – Та женщина имеет отношение к семейству Кутеповых, она испугалась предстоящего разговора и решила сыграть на опережение.

– Кто из домашних знал о часе свидания в гостинице?

– Да все. Михаил Петрович ждал встречи, очень волновался и постоянно говорил об этом. Когда мы и милиция установили, что никто из посторонних не мог похитить оружие, он сразу свернул наше расследование. Думаю, что продолжил он его только потому, что не смог вынести неизвестности. Так?

– Да, так. Он решил: лучше знать, кто предал, чем подозревать всех всю жизнь. Тяжелое решение.

– Согласен. Но почему он думает, что его кто-то предал? Возможно, как раз наоборот – защитил? Не исключено, что информация, которую был готов сообщить Коваленко, при небольшом извращении становилась совершенно губительной. Я много думал об этом деле, Софья, я с головой ушел в события пятилетней давности, и мне кажется, что ситуация тут обратная: не Кутепов ненавидел бывшего партнера, а Коваленко собирался отомстить и потому был убит. Кем? Не знаю. Добиться хоть какого-то доверия от домочадцев Михаила Петровича нам не удалось, но вот чувствует сердце – искать надо там.

– Константин Федорович с тобой согласен?

– Нет. Он старый розыскной зубр и считает пистолет не женским орудием. Тем более что убийство было задумано и выполнено с абсолютным хладнокровием.

– Насчет пистолета прав твой зубр. Дамочки стрихнину в кофе подливают, – вздохнув, кивнула я.

– Или, как максимум, подсвечником по голове, – вставил Андрей.

– Скорее сковородкой, – добавила я и сняла тему. – Вариант заказного убийства вы рассматривали?

– А как же. Обкатали по все показателям. И если б не пропавший пистолет Кутепова, эта версия, пожалуй, устроила бы всех. Но в связи с пропавшим стволом остаются лишь два варианта: либо убийца живет в доме Кутепова, либо имеет там сообщника. Что, согласись, для Михаила Петровича почти одно и то же.

– Тогда поговорим об алиби родственников? – Мне уже давно расхотелось называть молодого детектива «Андрюшей». Сидя лицом к лицу, я заметила, что вокруг глаз собеседника собрались морщинки усталости, возле губ залегли тяжелые складки, и молодость его – всего лишь видимость. Пожалуй, он старше меня года на три, а то и на четыре.

– Самое занятное, – усмехнулся Андрей, – что алиби есть у всех. Непробиваемое, абсолютное, и даже коллеги из милиции не смогли разыскать там ни малейшей дырочки. Все были на глазах у кого-то. В эту минуту, в эту секунду, в этот час.

– Значит, в доме сообщник, – убежденно сказала я.

– Выходит, сообщник, – согласился Андрей. – Но не надо забывать, что никто, кроме самого Михаила Петровича, крепких связей в нашем городе не имеет.

– А вдруг? Вдруг успели обзавестись или столько денег предложили, что потенциальный убийца не смог отказаться?

– Тогда убийство Коваленко стопроцентный висяк, – мрачно проговорил Андрей.

– Если только мы не найдем человека, вынесшего из дома пистолет, – добавила я.

– Да, – с видимым одобрением согласился детектив.

Мы начинали понимать друг друга, мы почти ровесники, мы пели в детстве одни песни, и взгляды на жизнь у нас одинаковые. Вероятно, мы поладим.

– Расскажи, пожалуйста, подробно об алиби каждого.

– Начну с мужчин, – хлебнув коньячку, сказал Андрей и пошутил: – И с «подвального» этажа. Старший Стрельцов весь день двенадцатого апреля провел на работе. Свидетелей много, машина не покидала стоянку перед офисом. Дмитрий Стрельцов... кстати, тебе известно, кем он работает?

Вполне. Первым приобретением Кутепова в нашем городе стала погибающая при советском оборудовании мебельная фабрика. Кутепов выиграл торги, купил завод и поставил во главе предприятия племянника. Мите в то время едва исполнилось тридцать, он был образован, энергичен и, как я успела заметить, весьма умен. Незаурядный молодой человек быстро поправил дела фабрики. Купил новое оборудование, наладил производство «итальянской» мебели и сейчас каждый житель города знает: лучшие шкафы, гарнитуры и кухни производят на фабрике «Кутепов и К*». Сроки и цены назначались разумные, качество соответствовало хитрому обещанию – «итальянская мебель каждому россиянину».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.